

Новикова И. Н., Бурков В. Г., Мещеряков К. Е.

Политика России на постсоветском пространстве после возвращения Крыма: вызовы и приоритеты

Новикова Ирина Николаевна

Санкт-Петербургский государственный университет
Декан факультета международных отношений
Доктор исторических наук, профессор
i.novikova@spbu.ru

Бурков Владимир Германович

Санкт-Петербургский государственный университет
Заведующий кафедрой международных отношений на постсоветском пространстве
факультета международных отношений
Доктор исторических наук, профессор
pr.mopse@gmail.com

Мещеряков Константин Евгеньевич

Санкт-Петербургский государственный университет
Заместитель заведующего кафедрой международных отношений на постсоветском пространстве
факультета международных отношений
Доктор исторических наук, доцент
pr.mopse@gmail.com

РЕФЕРАТ

Возвращение Республики Крым и г. Севастополя под суверенитет Российской Федерации стало важнейшим событием не только для нашей страны, но и в общемировом масштабе. Оно оказало существенное влияние на современную систему международных отношений. Значительные перемены произошли и во внешней политике России на постсоветском пространстве — регионе, неизменно играющем ключевую роль в системе национальных приоритетов Российской Федерации. В условиях противостояния России и стран Запада ряд государств региона поспешили дистанцироваться от Москвы или, по крайней мере, занять нейтральную позицию по украинскому кризису и «крымскому вопросу». Другие республики еще теснее сплотились с Россией, оказывая ей все большую поддержку в международных делах. В данной статье выявляются основные достижения и просчеты отечественной дипломатии на постсоветском пространстве в ее «посткрымский» период — в 2014 г. — первой половине 2015 г.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Республика Крым, политическая конфронтация, российская дипломатия на постсоветском пространстве, ОДКБ, ЕАЭС

Novikova I. N., Burkov V. G., Meshcheryakov K. E.

Policy of Russia in the Former Soviet Union after Return of the Crimea: Challenges and Priorities

Novikova Irina Nikolaevna

Saint-Petersburg State University (Russian Federation)
Dean of Faculty of the International Relations
Doctor of Science (History), Professor
i.novikova@spbu.ru

Burkov Vladimir Germanovich

Saint-Petersburg State University (Russian Federation)
 The head of the Chair of the International Relations in the Former Soviet Union of Faculty
 of the International Relations
 Doctor of Science (History), Professor
 pr.mopse@gmail.com

Meshcheryakov Konstantin Evgenyevich

Saint-Petersburg State University (Russian Federation)
 Deputy Head of the Chair of the International Relations in the Former Soviet Union of Faculty of the International
 Relations
 Doctor of Science (History), Associate Professor
 pr.mopse@gmail.com

ABSTRACT

Return of the Republic of Crimea and Sevastopol under the sovereignty of the Russian Federation became the major event not only for our country, but also in universal scale. It had essential impact on modern system of the international relations. Considerable changes occurred and in foreign policy of Russia in the former Soviet Union — the region which is permanently playing a key role in system of national priorities of the Russian Federation. In the conditions of opposition of Russia and the countries of the West a number of the States of the region hurried to separate from Moscow or, at least, to take a neutral position on the Ukrainian crisis and «The Crimean question». Other republics rallied with Russia even more closely, giving it the increasing support in the international affairs. In this article the main achievements and miscalculations of domestic diplomacy in the former Soviet Union during its «Post-Crimean» period — in 2014 — the first half of 2015 come to light.

KEYWORDS

The Republic of Crimea, political confrontation, Russian diplomacy in the former Soviet Union, Collective Security Treaty Organization (CSTO), Eurasian Economic Union (EEU)

Возвращение Крыма и Севастополя под суверенитет Российской Федерации стало не только значительным событием в истории нашей страны, но и важной вехой в развитии существующей системы международных отношений. Впервые после распада СССР Российская Федерация изменила конфигурацию своих границ, расширив собственную территорию за счет включения в ее состав новых земель. Подобные шаги имели односторонний характер и не получили одобрения ООН. В ответ страны Запада ввели в отношении Москвы жесткие санкции, фактически означавшие возобновление острой политической конфронтации между Россией и ее западными партнерами, сопоставимой по своим масштабам лишь с «холодной войной». Учитывая, что Российская Федерация является одним из ключевых игроков на международной арене, действия ее западных партнеров привели к дестабилизации всей мирополитической ситуации.

В подобных обстоятельствах представляется весьма важным проследить влияние событий «крымской весны» на особенности российской дипломатии на постсоветском пространстве — в регионе, неизменно провозглашаемом важнейшим в системе внешнеполитических приоритетов нашей страны. Данная задача и определила основное содержание настоящей статьи.

Хотя возвращение Крыма под суверенитет Российской Федерации было справедливым с исторической точки зрения, реализация соответствующей процедуры вызвала у постсоветских республик весьма неоднозначную реакцию. Так, безоговорочную поддержку воссоединению России и Крыма высказали лишь главы Абхазии¹

¹ Абхазия поддерживает и признает референдум в Крыму // Информационное агентство «Интерфакс». 2014. 17 марта // <http://www.interfax.ru/world/365019>.

и Южной Осетии¹. Руководство Армении², Казахстана³ и Киргизии⁴ проявило большую сдержанность, но все же встало на сторону России. Министерства иностранных дел Беларуси⁵ и Узбекистана⁶ выступили с витиеватыми заявлениями, в которых не давалось конкретных оценок происходящего, и содержался призыв к России и Украине вернуться к прямому диалогу. Внешнеполитическое ведомство Азербайджана, сославшись на проблему Нагорного Карабаха, подчеркнуло свою приверженность принципу территориальной целостности и предложило урегулировать ситуацию с Крымом в рамках конституции Украины, но не подвергло действия Москвы какой-либо критике⁷. Наконец, руководители Грузии⁸ и Молдавии⁹ назвали воссоединение России и Крыма незаконным.

Спустя неделю, 27 марта 2014 г., в ходе голосования по резолюции «О территориальной целостности Украины»¹⁰ в Генеральной Ассамблее ООН, расклад сил оказался менее благоприятным для России. Ее позицию поддержали лишь два постсоветских государства: Армения и Белоруссия. Четыре делегации (Азербайджана, Грузии, Молдавии, Украины) выступили с осуждением действий Москвы. Два государства (Казахстан и Узбекистан) воздержались, еще три делегации (Киргизии, Таджикистана и Туркмении) не участвовали в голосовании¹¹. При этом, учитывая саму специфику процедуры голосования в Генеральной Ассамблее ООН и очевидную заинтересованность России в поддержке ее партнеров, позицию сторон, воздержавшихся или не участвовавших в соответствующем голосовании, скорее можно было трактовать как неодобрение действий Москвы при явном нежелании портить с ней свои отношения.

Очевидно, что дальнейший характер внешней политики России на постсоветском пространстве во многом был обусловлен позицией тех или иных государств по «крымскому вопросу». В результате уже в апреле 2014 г. в отношениях Российской Федерации с большинством постсоветских республик усилилось похолодание, на-

¹ Тибилов Л. Х. Чаяния народа Крыма о воссоединении с Россией стали реальностью // Президент Республики Южная Осетия: Официальный сайт. 2014. 18 марта // <http://presidentruo.org/?p=7838>.

² Состоялся телефонный разговор Президента Сержа Саргсяна с Президентом РФ Владимиром Путиным // Президент Республики Армения: Официальный сайт. 2014. 19 марта // <http://www.president.am/ru/press-release/item/2014/03/19/President-Serzh-Sargsyan-conversation-with-the-President-of-Russian-federation/>

³ Заявление Министерства иностранных дел Республики Казахстан // Казахстанская правда. 2014. 18 марта.

⁴ МИД Кыргызстана: Результаты референдума в Крыму — волеизъявление большинства населения полуострова // Информационное агентство «Фергана». 2014. 20 марта // <http://www.fergananews.com/news/21970>.

⁵ Заявление Министерства иностранных дел Республики Беларусь от 19 марта 2014 г. // Пресс-служба МИД Республики Беларусь. 2014. 19 марта // <http://mfa.gov.by/press/statements/f37cedcbbaa1d826.html>.

⁶ Позиция Республики Узбекистан по ситуации в Украине и Крымскому вопросу // Пресс-служба МИД Республики Узбекистан. 2014. 24 марта // <http://www.mfa.uz/ru/press/news/2014/03/1525/>

⁷ Мамедьяров Э. М. Азербайджан выступает за урегулирование конфликта в Украине в рамках конституции этой страны // Информационное агентство Азери-пресс. 2014. 18 марта // <http://ru.ara.az/news/267968>.

⁸ Президент Молдовы заявил, что присоединение Приднестровья к РФ никому не выгодно // Вести. мд. 2014. 18 марта // <http://vesti.md/?mod=news&id=26986>.

⁹ Президент Грузии заявил, что референдум в Крыму не может иметь правовых последствий // Новости — Грузия. 2014. 17 марта // <http://newsgeorgia.ru/politics/20140317/216450684.html>.

¹⁰ Территориальная целостность Украины: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/68/262 от 27 марта 2014 г.

¹¹ Итоги голосования Генассамблеи ООН по Крыму: список стран и жесткая реакция МИДа, обвиняющего Украину и ее западных партнеров // Интернет-телевидение «Piter.TV». 2014. 28 марта // http://piter.tv/event/rezul_tati_golosovaniya_general_noj_assamblei_oon_po_krimu_tablica/

метившееся еще в предыдущие годы вследствие углубления в нашей стране и сопредельных государствах кризисных экономических тенденций [3, 4, 5, 7]. За исключением Грузии, с которой Москва вообще не поддерживала официальных контактов, подобное похолодание, как правило, проявлялось в уменьшении интенсивности двустороннего диалога, «снижении планок» двустороннего сотрудничества, пересмотре его значимости для России и государств-партнеров. В данной связи отечественные дипломаты стали уделять основное внимание углублению контактов с тремя группами стран: участниками Таможенного союза Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), включающего Россию, Белоруссию и Казахстан; союзниками Москвы по Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), объединяющей Россию, Армению, Белоруссию, Казахстан, Киргизию и Таджикистан; странами, занимающими по отношению к России демонстративно лояльную позицию и юридически также являющимися ее союзниками (Абхазия, Южная Осетия). На этом фоне уровень взаимодействия России с иными постсоветскими республиками заметно снизился. В ряде случаев (Молдавия, Туркменистан) подобная тенденция не представляла реальной угрозы для интересов России, поскольку ее отношения с соответствующими государствами и прежде не отличались особой глубиной и стабильностью. Однако сокращение масштабов сотрудничества Российской Федерации с Азербайджаном и Узбекистаном являлось весьма негативным явлением, поскольку данные государства занимают ключевые позиции в своих субрегионах, обладают стратегически важными ресурсами, имеют многочисленные русские диаспоры, сравнительно развитые экономики и стремительно растущие внутренние рынки, пользуются заслуженным авторитетом на мировой арене. Кроме того, с юридической точки зрения Республика Узбекистан является стратегическим партнером и союзником России, что должно выдвигать ее в число ключевых партнеров Москвы на постсоветском пространстве [6, 10].

На этом фоне новые трудности возникли и в отношениях России с ее партнерами по ОДКБ и ЕврАзЭС. В рамках ОДКБ Россия продолжила курс на укрепление внутреннего единства организации, расширение военного сотрудничества стран-участниц, наращивание ими интеграции в военно-политической и военно-технической сферах, укрепление внешних рубежей союза¹.

Между тем у Москвы и Астаны стали проявляться все большие разногласия по поводу перспектив взаимодействия в ракетно-космической области. В отличие от 2012–2013 гг., когда подобные противоречия то и дело попадали в средства массовой информации², в 2014 г. — начале 2015 г. соответствующих «утечек» практически не наблюдалось. Вместе с тем, в России заметно активизировалась работа по сооружению космодрома «Восточный» в Амурской области. В условиях, когда еще в 2004 г. президенты России и Казахстана подписали соглашение о продлении сроков российской аренды космодрома «Байконур» вплоть до 2050 г.³, подобные меры неизбежно вызвали сомнение по поводу истинных намерений сторон продолжать стратегическое партнерство в данной области, являющейся одной из ключевых во всей системе их отношений.

¹ Заявление глав государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности // Президент России: Официальный сайт. 2014. 23 дек. // http://news.kremlin.ru/ref_notes/4796.

² См. например: Россия выдвинула ультиматум Казахстану на 500 млн долл. // Известия. 2013. 24 янв.; Россия считает рабочим моментом расхождения с Казахстаном по Байконуру // РИА Новости. 2013. 25 янв. // <http://ria.ru/science/20130125/919713161.html>; Путин и Назарбаев заявили, что приемлемые решения по Байконуру найдены // РИА Новости. 2013. 8 февр. // <http://ria.ru/politics/20130208/921993646.html>.

³ Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о развитии сотрудничества по эффективному использованию комплекса «Байконур» от 9 января 2004 г. // Бюллетень международных договоров. 2012. № 7. С. 98–100.

Вопреки усилиям российской дипломатии, довольно натянутыми оставались отношения между Россией и Таджикистаном. Душанбе продолжил предпринимать шаги по диверсификации своей внешней политики, в ускоренном порядке развивая взаимодействие с Китаем, Малайзией, странами Ближнего и Среднего Востока¹. На этом фоне рамки его сотрудничества с Россией оставались крайне узкими; по существу, оно сводилось к реализации сторонами ряда совместных инвестиционных проектов и обеспечению условий эксплуатации Россией военных объектов, расположенных на территории Таджикистана [9, 11]. Республика продемонстрировала неспособность присоединиться к Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС), что также негативно сказалось на характере ее взаимодействия с Россией.

Свою собственную линию в рамках ОДКБ продолжало проводить руководство Беларуси, традиционно воспринимающее это объединение с позиций собственной выгоды и не особо заботящееся об интересах иных государств-членов. Это оказывало неблагоприятное воздействие на формирование единого оборонного пространства ОДКБ, препятствуя нормальному функционированию созданных в его рамках структур. В конце 2014 г. А. Г. Лукашенко в свойственной ему резкой манере обрушился с критикой на российские СМИ², что также противоречило союзническому статусу российско-белорусских отношений.

В рассматриваемый период главными задачами российской дипломатии в рамках Таможенного союза ЕврАзЭС являлись: выработка общей позиции стран-участниц в связи с введением против России международных санкций; подготовка к созданию на основе ЕврАзЭС Евразийского союза, призванного стать более интегрированной, динамичной и практически ориентированной структурой, чем все ее предшественники. В обоих случаях у Москвы также возникло немало серьезных проблем.

Введение странами Запада санкций против России и объявление Москвой встречных санкций против западных партнеров оказало весьма негативное воздействие на экономическую ситуацию в нашей стране. Однако партнеры России по Таможенному союзу, Белоруссия и Казахстан, не попали под давление западных стран и, следовательно, не имели оснований для ужесточения в отношении них собственной экономической политики. Это автоматически привело к расколу Таможенного союза и фактическому восстановлению в его рамках внутренних барьеров на перемещение товаров. Хотя для Москвы подобные меры являлись строго необходимыми (в противном случае объявленные ею санкции против стран Запада перестали бы выполняться), они не нашли понимания у Астаны и Минска. Белоруссия продолжила поставки в Россию «запрещенных» товаров, импортируемых из стран ЕС, убирая с них этикетки с указанием европейского производителя и наклеивая собственные. В результате российские таможенники ввели ограничения на пропуск через границу крупных партий продовольствия из Беларуси и в ноябре 2014 г. между двумя государствами началась своего рода «торговая война»³. Ситуация усугублялась девальвацией российского рубля, в результате которой белорусские и казахстанские товары стали менее рентабельными относительно продукции, производимой в России; в ответ в Казахстане началась проработка вопроса о введении ограничений на импорт из России некоторых видов сельскохозяйственной продук-

¹ Визиты // Президент Республики Таджикистан: Официальный сайт // <http://www.president.tj/ru/taxonomy/term/5/65>.

² Заявления для прессы по итогам заседания ВЕЭС // Президент России: Официальный сайт. 2014. 23 дек. // <http://www.kremlin.ru/news/47318>.

³ Григорьева Э. Торговый фронт. Союзники по ЕАЭС Россия и Белоруссия ввели запрет на ввоз ряда товаров с территории друг друга и досматривают грузы на границе // Новые известия. 2014. 22 дек.

ции, автомобилей и строительных товаров¹. Очевидно, что подобная практика подрывала основы Таможенного союза ЕврАзЭС, нанося ощутимый урон российской дипломатии на постсоветском пространстве.

Что касается проекта Евразийского союза, то в соответствии с договором от 29 мая 2014 г.² он был сформирован на несколько иных принципах, чем это предусматривалось президентом России В.В. Путиным в его программной статье «Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня»³. Под давлением Казахстана из договора были исключены все положения, способные ограничить суверенитет стран-участниц и выходящие за рамки их сугубо экономической интеграции: статьи об общем гражданстве, внешней политике, межпарламентском сотрудничестве, паспортно-визовой системе, охране границ, экспортном контроле⁴. В итоге вместо полномасштабного Евразийского союза Россия, Белоруссия и Казахстан создали его «усеченный» вариант — Евразийский экономический союз. Реакцией России на жесткую позицию ее партнеров стало лоббирование процесса присоединения к ЕАЭС государств, в экономическом плане значительно отстающих от стран «Таможенной тройки»: Армении и Киргизии. Данные государства являлись последовательными союзниками Москвы на мировой арене, поэтому представляется, что их подключение к работе Союза определялось в большей степени политическими, а не экономическими соображениями. В результате «интеграционное ядро» ЕАЭС стало размываться, и уже в момент своего создания данная структура начала развиваться по сценарию, апробированному ее предшественниками — Таможенным союзом образца 1995–2000 гг. и ЕврАзЭС. Опыт эволюции вышеозначенных объединений свидетельствует о том, что выбор подобного варианта формирования ЕАЭС являлся недостаточно конструктивным: прежде чем санкционировать вступление в Союз новых членов, странам-участницам следовало бы реализовать в его рамках хотя бы несколько крупных совместных проектов, обеспечить стыковку собственных интересов, адаптировать нормы национального законодательства к новым условиям их существования. В противном случае ЕАЭС рискует повторить судьбу ЕврАзЭС: объединить участников с принципиально разным уровнем социально-экономического развития, не переварить масштабы своего расширения и погрузиться в кризис, вызванный его общей неэффективностью [2, 8].

Таким образом, приходится констатировать, что после возвращения Крыма под суверенитет России внешняя политика Москвы на постсоветском пространстве сталкивалась с существенными трудностями. Важнейшими из них стали: отсутствие поддержки России большинством постсоветских республик по «крымскому вопросу»; дальнейшее сокращение масштабов сотрудничества России с двумя ключевыми государствами региона — Азербайджаном и Узбекистаном; обострение противоречий с ближайшими союзниками нашей страны — Белоруссией, Казахстаном, Таджикистаном; неспособность Москвы обеспечить прорыв в развитии ОДКБ и ЕврАзЭС/ЕАЭС; неспособность добиться реализации проекта о Евразийском союзе в его первоначальном виде.

¹ Казахстану приписали желание ограничить импорт российских товаров // Информационное агентство «Интерфакс». 2015. 6 февр. // <http://www.interfax.ru/business/422316>.

² Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. // Евразийская экономическая комиссия: Официальный сайт // <http://www.eurasiancommission.org/ru/Lists/EECDocs/635375701449140007.pdf>.

³ Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 окт.

⁴ Интересы Казахстана не пострадают в рамках ЕАЭС, заверяют в МИД республики // Евразийский коммуникационный центр. 2014. 26 мая // <http://eurasiancenter.ru/news/20140526/1003489794.html>.

В то же время в рассматриваемый период российская дипломатия на постсоветском пространстве достигла некоторых важных результатов, которые, безусловно, следует записать в ее актив.

Несмотря на резкое ухудшение социально-экономической и геополитической ситуации, невзирая на настойчивые попытки США и их союзников «оторвать» постсоветские республики от России, нашей стране в целом удалось сохранить лидирующие позиции на постсоветском пространстве. Для большинства стран региона она по-прежнему остается ведущим политическим, военным, торговым, экономическим партнером и государством, вызывающим у них большее доверие, чем любая иная великая держава.

Критика постсоветскими режимами действий Российской Федерации в Крыму и ее отношения к новым киевским властям не только не приобрела угрожающих масштабов, но и вообще не была сколько-нибудь заметной. За исключением Молдавии и Грузии, новые независимые государства старались сохранить нейтралитет и не вмешиваться в противостояние России с новым правительством Украины и его зарубежными покровителями.

В 2014–2015 гг. Российской Федерацией было заключено два новых союзнических договора с постсоветскими государствами: Договор о союзничестве и стратегическом партнерстве с Республикой Абхазия [1] и Договор о союзничестве и интеграции с Республикой Южная Осетия¹. Вопреки настойчивым попыткам Грузии и ее зарубежных партнеров «удушить» данные республики, за истекшие полтора года последними были совершены новые важные шаги по пути укрепления своей государственности и развития национальных экономик.

Еще с двумя постсоветскими государствами, Арменией и Киргизией, России удалось заметно расширить союзническое взаимодействие и стратегическое партнерство, добиться их включения в ЕАЭС. Особенно отрадным представляется тот факт, что российско-киргизские отношения практически полностью очистились от негативных наслоений, возникших в них еще в последние годы президентства А. А. Акаева и сохранявшихся на протяжении целого десятилетия².

Если в предыдущие годы в отдельных постсоветских республиках имели место случаи ущемления прав российских соотечественников (как это было, например, в Киргизии после «Народной революции» 2010 г.), то в последнее время подобные факты не фиксировались.

России как главному посреднику в урегулировании межнациональных конфликтов на постсоветском пространстве удалось обеспечить сохранение стабильности в Приднестровье, на Южном Кавказе и Памире.

Исключительно важной представляется роль Москвы в урегулировании конфликта на территории Украины. В данном случае особо отметим следующие моменты: способность противостоять бесчинствам украинских экстремистов на востоке страны; оказание крупномасштабной гуманитарной помощи местному населению; активная международная позиция нашей страны в связи с обострением ситуации в братской республике (в частности, создание механизма «Нормандской группы» и обеспечение проведения переговоров в Минске); и в то же время — умение российского руководства не поддаваться на провокации США и их союзников, благодаря чему Россия избежала прямого втягивания в данный конфликт. На этом фоне Российской Федерации удалось предотвратить эскалацию конфликта на территорию Крыма.

¹ Договор между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия о союзничестве и интеграции от 18 марта 2015 г. // Президент России: Официальный сайт. 2015. 18 марта // http://www.kremlin.ru/ref_notes/4819.

² Подробнее см.: [1].

Наконец, в условиях обострения напряженности в отношениях России со странами Запада, наша страна начала проводить более активную внешнюю политику на других ее направлениях — в частности, на Дальнем, Ближнем и Среднем Востоке. В результате подобной диверсификации внешней политики России значимость постсоветского пространства в ней еще более выросла.

В целом после возвращения Крыма и Севастополя под суверенитет Российской Федерации внешняя политика Москвы на постсоветском пространстве имела немало сильных и слабых сторон. В данной связи представляется, что ее главными задачами на ближайшую перспективу должны стать: сохранение Россией ведущих позиций в регионе; поддержание отношений с сопредельными государствами на возможно более высоком уровне; развитие отношений стратегического партнерства и союзнического взаимодействия с республиками, заключившими с нашей страной соответствующие соглашения; недопущение дальнейшего охлаждения отношений с Азербайджаном, Белоруссией, Казахстаном, Таджикистаном, Туркменией, Узбекистаном; преодоление внутренних противоречий и продвижение интеграционного взаимодействия в рамках ОДКБ и ЕАЭС при отказе от форсированного расширения данных организаций; сохранение активной позиции по вопросу о защите прав российских соотечественников на постсоветском пространстве; поддержание стабильности в зонах межнациональных конфликтов в регионе; оказание гуманитарной помощи жителям Украины, проведение систематической работы с новым руководством этой республики с целью недопущения дальнейшей эскалации в ней внутривнутриполитических и социальных конфликтов.

Литература

1. Мещеряков К. Е. Внешняя политика России в Центральной Азии: проблемы и тенденции развития, пути модернизации с целью повышения эффективности. СПб., 2012. С. 87–117.
2. Мещеряков К. Е. Интеграционные процессы на постсоветском пространстве и участие в них России. СПб., 2012. С. 85–101.
3. Мещеряков К. Е. Российско-киргизские отношения после «Народной революции» в Киргизии (2010–2012) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2013. № 2. С. 154–160.
4. Мещеряков К. Е. Российско-таджикские отношения в 2005–2012 гг.: углубление противоречий и попытки их преодоления // Клио. 2013. № 8. С. 101–105.
5. Мещеряков К. Е. Российско-туркменские отношения в 2008–2012 годах: становление стратегического партнерства // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2013. № 2. С. 164–172.
6. Мещеряков К. Е. Российско-узбекские межгосударственные отношения: основные тенденции и проблемы развития. СПб. : Изд-во СПб ГУ, 2008. С. 105–136.
7. Мещеряков К. Е. Российско-узбекские отношения в 2008–2012 годах: тенденции и проблемы развития // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2013. № 1. С. 82–87.
8. Burkov V. G. Russia's attitude toward integration associations in the post-Soviet space // Life Science Journal. 2014. N 11 (11s). P. 229–231.
9. Burkov V. G. Russia's national interests in Central Asia in the context of changes within the international system // Life Science Journal. 2014. N 11 (11s). P. 233–234.
10. Burkov V. G. Russian-Kazakhstani and Russian-Uzbekistan relations: opposing models of political and military alliances // Life Science Journal. 2014. N 11 (11s). P. 236–237.
11. Meshcheryakov K. Y. Russia's Central Asian Alliances: The Real Deal? // World Applied Sciences Journal. 2014. N 30 (12). P. 1781–1783.

References

1. Meshcheryakov K. E. *Foreign policy of Russia in Central Asia: problems and tendencies of development, a way of modernization for the purpose of efficiency increase* [Vneshnyaya

- политика России в Тsentral'noi Azii: problemy i tendentsii razvitiya, puti modernizatsii s tsel'yu povysheniya effektivnosti]. SPb., 2012. P. 87–117. (rus)
2. Meshcheryakov K. E. *Integration processes in the former Soviet Union and participation of Russia in them* [Integratsionnye protsessy na postsovetском prostranstve i uchastie v nikh Rossii]. SPb., 2012. P. 85–101. (rus)
 3. Meshcheryakov K. E. *The Russian-Kyrgyzstan relations after «National revolution» in Kyrgyzstan (2010–2012)* [Rossiisko-kirgizskie otnosheniya posle «Narodnoi revolyutsii» v Kirgizii (2010–2012)] // Scientific and technical sheets of the St. Petersburg State Polytechnical University. Humanitarian and social sciences [Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki]. 2013. N 2. P. 154–160. (rus)
 4. Meshcheryakov K. E. *The Russian-Tajikistan relations in 2005–2012: deepening of contradictions and attempt of their overcoming* [Rossiisko-tadzhikskie otnosheniya v 2005–2012 gg.: uglublenie protivorechii i popytki ikh preodoleniya] // Clio [Klio]. 2013. N 8. P. 101–105. (rus)
 5. Meshcheryakov K. E. *The Russian-Turkmenistan relations in 2008–2012: formation of strategic partnership* [Rossiisko-turkmenskije otnosheniya v 2008–2012 godakh: stanovlenie strategicheskogo partnerstva] // Scientific and technical sheets of the St. Petersburg State Polytechnical University. Humanitarian and social sciences [Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki]. 2013. N 2. P. 164–172. (rus)
 6. Meshcheryakov K. E. *Russian-Uzbek interstate relations: main tendencies and problems of development* [Rossiisko-uzbekskie mezhgosudarstvennye otnosheniya: osnovnye tendentsii i problemy razvitiya]. SPb. : Publishing house of the St. Petersburg State Polytechnical University [Izd-vo S. Peterb. un-ta], 2008. P. 105–136. (rus)
 7. Meshcheryakov K. E. *The Russian-Uzbek relations in 2008–2012: tendencies and problems of development* [Rossiisko-uzbekskie otnosheniya v 2008–2012 godakh: tendentsii i problemy razvitiya] // Scientific and technical sheets of the St. Petersburg State Polytechnical University. Humanitarian and social sciences [Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki]. 2013. N 1. P. 82–87. (rus)
 8. Burkov V. G. *Russia's attitude toward integration associations in the post-Soviet space* // Life Science Journal. 2014. N 11 (11s). P. 229–231.
 9. Burkov V. G. *Russia's national interests in Central Asia in the context of changes within the international system* // Life Science Journal. 2014. N 11 (11s). P. 233–234.
 10. Burkov V. G. *Russian-Kazakhstan and Russian-Uzbekistan relations: opposing models of political and military alliances* // Life Science Journal. 2014. N 11 (11s). P. 236–237.
 11. Meshcheryakov K. Y. *Russia's Central Asian Alliances: The Real Deal?* // World Applied Sciences Journal. 2014. N 30 (12). P. 1781–1783.